

МОДУСЫ ЦИНИЗМА ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ (ИНТЕРПРЕТАЦИЯ П. СЛОТЕРДАЙКА)

В. И. Кудрявцева

Екатеринбург, Уральский федеральный университет

Аннотация. Культура Веймарской эпохи отчетливо демонстрирует предрасположенность к цинизму. Автор оригинальной концепции цинизма Петер Слотердаjk прослеживает взаимосвязь между современным цинизмом и моделями сознания немецкого модерна. Симптом Веймарской республики означает крах модернизации «несчастливого сознания» и появление цинического сознания. Рефлексии авторов веймарского периода в Германии в литературных произведениях, эссе, политических трактатах, публичных выступлениях, печатных изданиях отражают трансформацию цинизма в современную форму, которая характеризуется как универсальный диффузный феномен. Модусы цинизма Веймарской эпохи осмысляются именно благодаря исторической дистанции и реактуализируются в современности. В докладе кратко представлены основные идеи П. Слотердайка, который применяет ассоциативный и конструирующий метод для исследования феномена Веймарской республики, репрезентированный в культуре.

Ключевые слова: цинизм, Слотердаjk, сознание, культура, Веймарская республика

MODUSES OF CYNICISM OF THE WEIMAR REPUBLIC (INTERPRETATION OF P. SLOTERDIJK)

Valentina Kudriavtseva

Ekaterinburg, Ural Federal University

Abstract. The culture of the Weimar era clearly demonstrates a predisposition to cynicism. Peter Sloterdijk as the author of the original concept of cynicism traces the relationship between modern cynicism and the models

of consciousness of the German Modern. The symptom of the Weimar Republic means the collapse of “unhappy consciousness” modernization and the emergence of a cynical consciousness. The reflections of the Weimar period authors in Germany in literary works, essays, political treatises, public speeches and printed publications reflect the transformation of cynicism into a modern form, which is characterized as a universal diffuse phenomenon. The cynicism moduses of the Weimar era are conceptualized precisely because of historical distance and reactualized in modernity. The report briefly presents the main ideas of P. Sloterdijk, who uses an associative and constructive method to study the phenomenon of the Weimar Republic, represented in culture.

Key words: cynicism, P. Sloterdijk, consciousness, culture, Weimar Republic

Научный интерес к Веймарской эпохе не уменьшается и по-прежнему является предметом исследования многих ученых. Известный немецкий философ и культуролог Петер Слотердаjk изучал этот период длительное время и защитил докторскую диссертацию на тему «Литература и организация жизненного опыта. Видовая теория и видовая история автобиографии Веймарской республики (1918–1933)». Веймарский период не только показательный кейс для политической философии, но и пример «неудавшегося Просвещения» в Германии, поэтому для П. Слотердаjка говорить о Веймарской республике означает заниматься социальным самопознанием [3, с. 30]. Он исследует формы сознания немецкого модерна через их репрезентацию в культуре.

Изучая культуру Веймарской республики, П. Слотердаjk выделяет два основных подхода при рассмотрении: ностальгически-археологический (мемуары, рассказы старшего поколения — ностальгия по насыщенной жизни, драме, социальным, культурным, политическим активностям) и апологетически-политический (рассмотрение Веймара как предфашистского времени под углом политической этики, как урока истории, который необходимо усвоить). Однако эти подходы имеют ряд ограничений, поэтому он предлагает рассмотреть специфику форм сознания веймарской культуры, ставшей периодом проникновения стратегических имморализмов в коллективное сознание, через оптику современного цинизма.

В основе оригинальной концепции цинизма — представление о возникновении классических форм ложного сознания. Цинизм как «просвещенное ложное сознание» следует за наивными идеологиями и их Просвещением [3, с. 25].

Цинизм всегда подмечает частные интересы за идеологическими конструкциями, но не разоблачает эти скрытые силы, а использует их для достижения своих целей. Как отмечает С. Жижек, «такой цинизм не есть откровенно аморальная позиция, скорее тут сама мораль поставлена на службу аморализму; типичный образец циничной мудрости — трактовать честность и неподкупность как высшее проявление бесчестности, мораль — как изощреннейший разврат, правду — как самую эффективную форму лжи. Такой цинизм является, следовательно, своего рода извращенным “отрицанием отрицания” официальной идеологии: циническая реакция состоит в утверждении, что легальное обогащение гораздо более эффективно, чем разбой, да к тому же еще и охраняется законом. В “Трехгрошовой опере” Бертольд Брехт говорит об этом так: “Что значит ограбление банка по сравнению с учреждением нового банка?”» [2, с. 37].

Цинические времена наступают, когда идеология обретает рефлексю, иронизируя над своими структурами, что означает конец разоблачений.

В рамках данной концепции рефлексия ложного сознания — это симптом культурной патологии. Культура Веймарской эпохи отличается высоким уровнем рефлексии, диагностирует П. Слотердаик. Именно в ней цинизм более отчетливо выражается в языке, поскольку, с одной стороны, еще сохраняются близость к высоким идеалам и ценностям, а с другой — крушение этих ценностей и идеалов вызывает смелые и активные попытки избавления от иллюзий, выражение разочарования в этих идеалах через иронию и насмешку. Основное внимание уделяется текстам, которые П. Слотердаик довольно активно цитирует, чтобы реконструировать модернизацию «несчастливого сознания», сопровождающуюся попытками веймарских циников возвыситься над абсурдом, ведь «те, кто жил тогда, уже достаточно сказали о самих себе» [3, с. 431].

Анализируя тексты Брехта, Толлера, Кестнера, Рота, Деблина, Т. Манна, Броха, он показывает, что исповедальный характер работ

Веймарской эпохи тоже симптом цинического сознания — стремление к разоблачению и обнажению.

В Веймарской республике ожидание и обман ожидания развернулись в невероятных масштабах. Ожидание обмана стало коллективным состоянием сознания: с одной стороны, готовность быть обманутым, с другой — опасение обмануться в ком-либо. Обман стал быстрым и распространенным способом делать карьеру. В литературе того времени появляется образ афериста как отражение главного символа эпохи. (Наиболее ярким примером является незаконченный роман «Признания авантюриста Феликса Круля» Т. Манна.)

Цинические структуры выражают дух времени между войнами, период, когда недостаточно ни интеллекта, ни доброй воли для предотвращения катастрофы. Первая мировая война определяется Слотердайком как военный комментарий к фразе «Бог умер!». Этика войны — это этика, допускающая исключения, когда все, что способствует самосохранению, разрешено. Именно с Первой мировой войны начинается новая фаза развития современного цинизма, сопровождающаяся распадом старых, наивных представлений об обществе, о буржуазных ценностях, о прогрессе: «Отныне явно воцаряются надломленные модусы сознания: ирония, цинизм, стоицизм, меланхолия, сарказм, ностальгия, волюнтаризм, безропотное смирение с меньшим злом, депрессия и состояние одурманенности как сознательный выбор бессознательного существования» [3, с. 154].

Веймарская республика спустя несколько лет после окончания войны демонстрирует милитаристскую ностальгию. Авторы (Франц Шаувеккер, Ремарк, Цвейг и др.) возвращаются к теме войны, отсылаясь на психополитические потребности общества. Понятие «фронт» становится отправной точкой для поиска собственной идентичности. Ностальгия по фронту, по войне отражала тоску по определенности, по принципам, по правилам, где четко определено, кто свой, кто чужой. Происходила своего рода реставрация мужественности, когда идеализация образа солдата, наделенного храбростью, стойкостью, прямоотой, противопоставлялась реализму политиков, отличающихся изворотливостью, трусостью,

ненадежностью. Авторы реконструируют и героизируют фронтовые будни, когда все было просто и понятно, в отличие от неизвестного мира, в который пришлось вернуться. Поиски смысла приводят к замещению военного фронта на моральный фронт, который иррационален и апеллирует к совести.

Рефлексия войны во многих текстах веймарского периода отражается как конец буржуазной эпохи. Это характерно не только для немецкой культуры, что выявлено в исследовании коллег: «Война, как показал анализ большого количества текстов интеллектуалов разных стран, осознавалась не только как событие, прерывающее течение так называемой нормальной жизни, а новая духовная ситуация, провоцирующая изменение логики и ценностных суждений, язык их выражения, способы персональной и коллективной идентификации» [1, с. 258].

Актуализация военной темы была связана и с попыткой преодоления цинизма смерти. Применение артиллерийских орудий изменило статус смерти на войне: вместо «смерти в движении», то есть атакующей, в сознании возникает «смерть на позиции», статичная смерть, случайная, которая вполне высчитывается математически путем соотношения количества летящих снарядов на место. Так в сознании солдата возникает фатализм по отношению к артиллерийскому снаряду, два возможных варианта развития события: либо убьет, либо пронесет. Таким образом, техника лишает «смерть в сражении» достоинства и возвышенности.

Реальным субъектом Первой мировой войны оказался не солдат-герой, а военная машинерия. «Война исторгла из себя новый субъект эпохи — “фронт”, вооруженный народ; именно он стал многомиллионным субъектом мышления, на который наложила свой отпечаток война» [3, с. 475]; позднее его назовут «народным сообществом», исторической альтернативой которому станет другой многомиллионный субъект — «рабочий класс». Буржуазный индивидуализм уступает место коллективным объединениям.

П. Слотердайк фиксирует процессы деперсонализации и отчуждения. Поражение в войне многими воспринималось как социально-психологическая кастрация, лишение достоинства. Деловой подход определил стилизацию культуры: война лишила героизм и мужество

их статуса и приравнивала к рядовым, привычным действиям, так называемой «работе на войне». На первый план выходит союз солдата и оружейных систем, воин становится хладнокровным инженером, человек воспринимается как человеческий фактор в войне машин, поскольку атака теперь — это «героические деяния неживой материи» [3, с. 476]. Тело и дух солдата становятся придатками вооружения; выжившие оказываются в ситуации, когда нужно научиться относиться к себе как к чему-то вещественному. В работах того времени мы обнаруживаем попытку при помощи сарказма принять тот факт, что военная машинерия использует человека как материал, преодолеть обесценивание индивида.

Буквальное перемонтирование человека было связано с большим количеством изученных фронтовиков, поэтому в культуре наблюдается осуждение или восхваление механизированного существования, например, журнал «Имперский союз. Орган имперского союза немецких инвалидов войны и родственников павших» (издавался в Берлине с 1922 г.); были специальные учебники по психотехнике, мотивирующие к позитивной жизни и дальнейшей службе на производственном фронте.

Война обнажила цинизм власти, медиков и военных. Благодаря веселому цинизму патриотической медицины возникает новый образ человека — *homo protethicus*. Выпускаются пособия для ставших однорукими, продвигающие идею о превосходстве жизни с одной конечностью. Общество, которое сфокусировано на войне и труде, делает вывод П. Слотердайк, превращает человечество в протез.

В работах О. Шпенглера мы обнаруживаем размышления на тему политики времен Веймарской республики, характерной чертой которой становится погоня за собственной выгодой. «Политика — это продолжение частных гешефтов другими средствами», — констатирует он [4, с. 16]. В Германии создавалось огромное количество должностей для руководства ради окладов, а министерские кресла при постоянной смене правительства делились как добыча, и все это происходило на фоне серьезного обнищания населения: «Офицеры, ставшие инвалидами войны, служили лакеями в гостиницах, студенты мели улицы, люди, заработавшие себе когда-то состояние тяжким трудом, были вынуждены жить

на нищенское пособие. Но в рейхстаге были совсем другие очереди и совсем другие списки: в них состояли те, кто претендовал на депутатские оклады, чтобы затем вернуться к своим гешефтам, и оклады эти были немаленькими» [4, с. 19–20]. Циничным режимом является тот, который не верит в собственные идеи, такой вердикт выносит автор.

Мировая война привела к политизации населения; сознание фронтовых обозревателей стало симптомом эпохи; регулярный просмотр новостей сформировал у рядовых обывателей «взгляд полководца», позволяющий испытывать причастность к процессу. П. Слотердаjk обращает внимание на произошедший сдвиг в политическом сознании, по сути, представляющем собой специфическую форму вуайеризма, подглядывания за войной, связанный с активной милитаризацией и мобилизацией сознания. Двойственность ситуации проявлялась и в том, что эта политизация сопровождалась антиполитическими настроениями, фрустрацией, дезориентацией, страхом и разочарованием. Сознание современников стало полем битвы, где боролись средства упрощения и усложнения, закономерным следствием которой стала расколотость этого сознания.

Таким образом, современный цинизм как массовый диффузный феномен обретает специфические признаки после Первой мировой войны. Веймарская республика стала площадкой, где сложились благоприятные условия для трансформации цинизма. Цинические структуры, сформированные в веймарский период, продолжают оказывать влияние на современность, обеспечивая связь с прошлым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Война и ответственность в рефлексии интеллектуалов (1918–1938) : коллектив : моногр. / П. Боянич и др. ; [под общ. ред. П. Боянича] ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург : Изд-во «Кабинетный ученый», 2019.
2. *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М. : Худож. журн., 1999.
3. *Слотердаjk П.* Критика цинического разума / пер. с нем. А. В. Перцева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001.
4. *Шпенглер О.* Воссоздание Германского рейха / пер. с нем. А. В. Перцева, Ю. Ю. Коринца ; послесл. А. В. Перцева. СПб. : Владимир Даль, 2015.